

УДК 744.9:091(470.571.1)

**«ГРАМОТА ХРАНИТЕЛЯ ЮРУМСКОЙ АСТАНА»
В КОНТЕКСТЕ ЦВЕТОВОЙ ГАММЫ
ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ**

А. П. Ярков^a, Ю. А. Бортникова^b

^a Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, ayarkov@rambler.ru

^b Международный институт инновационного образования.
Центр повышения квалификации, Тюмень, Россия, soroka-jul@rambler.ru

Декоративно-прикладное искусство татарского населения (второго по численности этноса современной Тюменской области) имеет много особенностей. В большей степени в нем ощущаются местные приёмы, технологии, образы. Архаичные верования проявлялись в композиции и ритме орнамента, цвете изделий. Значимым было и влияние на творчество ввозимых извне предметов.

В архивах, частных собраниях и музеях страны и за рубежом в течение длительного времени собирался этнографический материал, редчайшие образцы прикладного искусства, которые являются важным источником для анализа композиционных и цветовых решений. Пример тому — художественное оформление родословного списка — сачара, обнаруженного в 2004 г. в одном из татарских селений.

Ключевые слова: «Грамота хранителя Юрумской Астана», декоративно-прикладное искусство, колорит, вопросы взаимодействия и влияния.

**«CERTIFICATE CUSTODIAN URUMCHI ASTANA»
IN THE CONTEXT OF COLOR IMAGE APPLIED ART
OF THE TATAR POPULATION OF THE TYUMEN REGION**

A. P. Yarkov^a, Yu. A. Bortnikova^b

^a Tyumen State University, Tyumen, Russia, ayarkov@rambler.ru

^b Part institution of additional professional education «International Institute of Innovative Education. The centre of excellence», Tyumen, Russia, soroka-jul@rambler.ru

Decorative and applied art of the Tatar population (the second largest ethnic group in the modern Tyumen region) has many features. To a greater extent, local techniques, technologies, and images are felt there. Archaic beliefs were manifested (not always realized by people as such) in the composition and rhythm of the ornament, the color of the products. The influence of imported objects on creativity is significant, creating new (including coloristic) images at the «junction» of traditions.

© Ярков А. П., Бортникова Ю. А., 2021

Ссылка для цитирования: Ярков А. П., Бортникова Ю. А. «Грамота хранителя Юрумской Астана» в контексте цветовой гаммы прикладного искусства татарского населения Тюменской области // *Labyrinth: теории и практики культуры*. 2021. № 1. С. 29—37.

Citation Link: Yarkov, A. P., Bortnikova, Yu. A. (2021) «Gramota khranitelya Yurumskoy Astana» v kontekste tsvetovoy gammy prikladnogo iskusstva tatarskogo naseleniya Tyumenskoy oblasti [«Certificate custodian Urumchi Astana» in the context of color image applied art of the Tatar population of the Tyumen region], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 1, pp. 29—37.

In the archives, private collections and museums of the country (including regional ones) and abroad (for example, in Finland), ethnographic material has been collected for a long time. There were collected the rarest examples of applied art, which provide important material for the analysis of compositional and color solutions. An example of this is the artistic design of the pedigree list — sachar, discovered in 2004 in one of the Tatar villages.

Key words: «Diploma of the curator of the Yurum Astana», decorative and applied arts, color, issues of interaction and influence.

Об истоках самобытности

Будучи композитным, пришлым (с Алтая) тюркским субстратом, смешанным с местным угорским и самодийским компонентом, татарское население Западной Сибири (на территории современной Тюменской области, включающую также Югру-Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) этнические процессы завершило к XVIII — XIX вв. В тот же период некоторые южные группы ханты и манси были ассимилированы, став либо татарами и мусульманами, либо русскими и православными.

Сохранившие же этносознание угры «запечатлели» южных соседей в именовании Квvтап-вс («Татарская река»), т. е. Иртыш и Квvтай мфхэт («протока Татарская»), а также в театрализованной сценке (с декоративными элементами) ханты под наименованием «купец-татарин» во время Медвежьих игр [Молданов, Сидорова, 2010: 88, 107, 153].

«Пограничье» территорий ханты, манси, татар, башкир породило иштек (остяк/эстяк/истэк/иштяк/уштяк) — контактные группы угорского и тюркского происхождения, плативших ясак [Мартынова, 1998].

С другой стороны, иные сибирские татары, приняв (через насильственное крещение) христианство, стали считаться (для властей церковных и светских) русскими и православными, но сохранили многие установки ментального и бытового характера, признаваясь: «урус сибирэк».

Связь сибирского варианта исповедания ислама с архаичными верованиями, а также наличие общих фольклорных традиций и образа жизни у тюркского и аборигенного населения (ханты, манси, ненцы, селькупы) — это не единственные точки соприкосновения. В среде кочевников многих регионов Европы и Азии оставались «следы» прежних верований. Архаичные представления отражает, к примеру, само обращение сибирских мусульман — «Аллах-Тэглэ» [Стеблева, 2007: 21].

«След» этих верований можно усмотреть и в том, что цвет неба — синий — считался священным: заболотные татары при лечении грыжи непременно подвязывали живот синим платком или тряпкой. В среде сибирских тюрков¹ широкое применение находило средство минерального происхождения — медный купорос (кок таш), который использовался в оформлении экстерьера и интерьера жилищ и культовых построек, предметов прикладного творчества. В ювелирных украшениях предпочитались камни голубого цвета. Очевидно, веру в их целительные свойства подкреплял голубоватый оттенок используемых минералов [Ислам на краю... , 2019: 71].

XVI в. стал «точкой бифуркации» как в истории Западной Сибири, так и во взаимоотношениях местного населения с «другими»: цивилизациями, этносами, мировоззренческими представлениями. «Другие» не всегда отвечали взаимностью, пытаясь доминировать.

Определённый этнолингвистическим родством с тюркским населением Сибири, в XVI в. «тлел интерес» в Средней Азии. Но не хватало (в том числе военных и миссионерских) сил для продвижения на север. Экономические аспекты (включая

¹ У них же целебным считалось топленое масло из молока коровы, имеющей серовато-голубоватую окраску.

расширение рынка товаров) взаимовыгодных контактов «упирались» в сложность коммуникаций. Религиозная общность населения двух мегарегионов ощущалась слабо. Единство на почве веры отступало в ряде случаев на второй план, а ислам не стал государственной религией в Сибири. Причина известна: в малозаселённом регионе жило много «язычников», обращение которых в ислам было затруднено, а при навязывании чревато отказом в выплате ясака. Даже во второй половине XVI в. численность местных мусульман оставалась скромной. А их духовные практики отличались от устоявшихся традиций Средней Азии, но были пронизаны архаичным влиянием. Ощутимо это было и в материальной культуре.

Раскопки [Пигнатти, 1915: 20] столицы Сибирского ханства говорят, что Искер был немногочислен, но с развитой (относительно других городов Сибири той поры) торговлей и ремёслами². Среди поставляемых туда из Средней Азии товаров можно отметить одноцветную (зелёную и белую) тафту, применявшуюся для изготовления чалмы и тюрбанов [Зияев, 1983: 12] — элементов одежды мусульман [Смирнова, 2004].

Ювелирные украшения и фрагменты тканей, керамика и металл обнаружены во многих археологических раскопах. Они могут быть отнесены к импорту [Холостых, 1995: 152—165] и отчасти связаны с миссионерскими поездками: «После этого открылась религия, открылась дорога, по берегам р. Джирс (Иртыш) прошли караваны» (цит. по: [Селезнёв, Селезнёва, 2007: 242]). Соответственно, купцы и миссионеры (обобщённо именуемые бухарцами и ташкентцами), брали с собою предметы с традиционной для мест исхода цветовой палитрой.

До нашего времени дошло немного ювелирных изделий местного происхождения: лунниц и амулетов на золотых и серебряных цепочках, чётков, браслетов, перстней, но их колористическое оформление информативно. Г. Ф. Миллер в «Описании сибирских народов» в главе «О ремеслах, искусстве и прочих работах...» рассмотрел технологии изготовления подобных предметов, а также технологии получения красок. Он же указал, что местные жители предпочитали красный, синий и зелёный цвета. И. Г. Георги обратил внимание, что сибиряки украшали одежду вышивкой и «золотым шнуром», а также имели ткацкое производство. К. Ельницкий отметил, что местные мусульмане практикуют вышивку золотом и серебром³. И. П. Фальк указал на сходство орнаментации одежды с казанскими татарами. Д. Г. Мессершмидт упоминал «красные кисти» из шёлка при украшении головных уборов.

Распространившийся в Западной Сибири суфизм проповедовал аскетизм, и роскошные предметы восточного искусства, поступающие в регион, не вписывались в его идеологию. Это противоречие изначально закладывало двойственное восприятие исламского искусства местным населением и, как следствие, расширяло пределы дозволенного в нём⁴.

О наличии местной традиции книжной миниатюры нет информации, но церемония восшествия Абулхайра на престол в Чимги (Цынги)-Туре в 1428 г. (или 1429 г.) отображена в миниатюре к сочинению Масуда Усмана Кухистани «Тарих-и Абулхайр-хани». Там правитель изображён сидящим в «золотом» халате на «подушке власти» с короной на голове [Тюменское и Сибирское ханства, 2018: 83]. Миниатюра — косвенное свидетельство цветового решения костюма элиты Шибанидов, а словесные описания сибирских послов к царскому престолу в Москве это подтверждают.

² Фрагменты фарфоровой посуды, изделия из сердолика и бирюзы, остатки шёлковых и бумажных тканей говорят также о торговле с Китаем и Средней Азией.

³ Золотное шитьё вообще характерно для золотоордынской культуры.

⁴ Так, исследователи обратили внимание на сохранение сибирскими тюряками объёмных изображений — «кукол» и намогильных столбов-баганов.

Поселившиеся в Искере, Цынги(Чимги)-Туре⁵, К(и)ызыл-Туре пришедшие с караванами ремесленники стали воспроизводить привычную средназиатскую технологию, характерный облик. Так, в женских украшениях, серьгах (сырга), браслетах (белязек), застежках (каптырма), накосниках (чулпы, тэнкэ), кольцах (балдак) и амулетах (для вложенных выписок из Корана) часто встречается узор в форме полумесяца. В цветовом решении отмечается традиционализм, хотя для окраски тканей мастера (уста) применяли и местные красители, преимущественно растительного происхождения.

В конце XVII века в Тобольске проживали 74 юртовских бухарца и 5 приезжих для торговли бухарцев. Их караваны ходили в Китай и Хиву, с которыми у русских не было «ни дружбы, ни торговых отношений». Торговцы везли ювелирные изделия (в том числе с мусульманской символикой), различные (в том числе ритуальные) ткани, книги и рукописи, сушёные фрукты и пряности.

Социокультурная идентичность проявлялась в повседневной деятельности и формах поведения: бухарцы, к примеру, выступали «законодателями моды» среди местных жителей. Почти все элементы их парадного костюма были среднеазиатского типа⁶. Бухарки были ещё более консервативны в одежде⁷.

Привозные предметы ценились на «брачном рынке» как статусные. Соответственно, их местные реплики эстетическими свойствами, как и мастерством исполнения, уступали.

Постепенно возникали местные промыслы, активно завоёвывая рынок. Пример тому — тюменские ворсовые ковры. Их прообразы — из Средней Азии. Первоначально узор был геометрический (гирих), уступив затем место крупному цветочному, контрастного наполнения. Такой же характер имели цвет и орнамент на ковриках для намаза (т. н. намазлык). Вся окраска шерсти производилась растительными и минеральными красителями. И лишь много позднее — анилиновыми. Известными центрами изготовления являлись юрты Большеакяировские и Ембаевские [Сезёва, 2010], а местные ковры пользовались в пространстве Российской империи устойчивым коммерческим спросом⁸.

«Грамота хранителя Юрумской Астана»

Коран и предметы с исламскими мотивами завозились в регион купцами, папками и мигрантами, а также создавались здесь. Как правило, имеющиеся на предметах надписи выполнялись на арабском языке, но встречались в арабской графике на тюрки и фарси. Отдельные образцы датируются XIII—XIV вв. Они представлены и эпиграфическим орнаментом (текст выполнен в виде орнамента или вписан в орнамент). Ввозимые в Западную Сибирь шамаили — это шрифтовые композиции, часто встроенные в изображения объектов реального мира. Оригинал по характеру рисунок, хранящийся у жительницы деревни Катымкуй Вагайского района С. Таушевой, где символически изображён «план Мира вечного с весами деяний и Райскими садами».

⁵ Будущей Тюмени.

⁶ Летнюю мужскую одежду составляла рубашка «наподобие халата», т. е. распашная, и халат, а также тонкий армяк. У богатых одежда была шёлковая и полушёлковая.

⁷ Известно, что они носили «платье выбойчатое», а также кисейное и «фанзовое», а на голове — «узкие перевязки, сверх того — белые косые платки кисейные и бязинные», из украшений же «в ушах серьги весьма большие, золотые и серебряные из маржану, жемчугу и разных “камней”, на руках — перстни “со ставками”, на завитях “большие серебряные кольца, называемые ими блязгит”».

⁸ Например, такой ковер запечатлён в картине В. И. Сурикова «Взятие снежного городка».

Большинство местных сачара — родословных списков — находятся в «начальной стадии становления» каллиграфии⁹. Закрепилось лишь выделение красным цветом новой главы (или раздела). Этот цвет при выделении глав напоминает русские рукописи, а не классические исламские, хотя встречается это и в среднеазиатских манускриптах.

Анализируемая «Грамота хранителя Юрумской Астана» обнаружена Р. Х. Рахимовым в 2004 г. в одном из татарских сёл Тюменской области [Рахимов, 2005]. Документ заверен эпиграфической «Печатью Аллаха» и предназначен для хранителя мавзолея (астаны) миссионеров [Селезнёв, Селезнёва, 2004].

Не был обойден вниманием учёных и орнамент сачара. Он рассматривался как источник по истории исламской культуры Западной Сибири [Bortnikova, 2012]. Однако остался вопрос о степени соотношения архаичных (в том числе обско-угорских) и исламских (и тюркских) компонентов в композиции, стилистике и цветовой гамме.

«Грамота...» состоит из трёх частей. Одна из них (документ № 1, по классификации Р. Х. Рахимова) имеет следующее оформление: «На верхнем торце свитка приклеена полоска полотна, которая окрашена в бордовый цвет; на полоске рисунок в виде кругов коричневого цвета и крестиков жёлтого цвета, расположенных в шахматном порядке» [Рахимов, 2005: 180]. Там использованы два основных элемента: круг и крест, являющиеся древними солярными знаками. Круг символизирует Вселенную, вечность, а также движение планет, заключающееся в смене четырёх времён года. Крест — повторяющийся во многих культурах символ огня, тепла, солнца, добра, блага [Власов, 2006: 660, 697].

Говоря о символике орнамента, отметим, что в суфийской традиции присутствует изображение креста, где все четыре конца заканчивались виньетками [Ислам, 2009: 72]. В «Грамоте...» кресты обычные, что связано с солярным образом. В сочетании круга и креста на орнаменте «Грамоты...» проявляется традиционная орнаментация обских угров.

Для классического исламского искусства такое сочетание «слишком простое». Гирих представляет собой причудливое переплетение треугольников, звёзд, прочих геометрических элементов. Он внешне похож на выверенную математически, сложную узорчатую сетку.

У ханты кресты расположены в косом положении, являясь основой орнамента [Молданова, 1999: 94]. Круг же, как яркое цветовое пятно и центр композиции — это символ огня. Этот солярный знак вообще характерен для архаичных традиций, в том числе и обских угров [там же: 112].

Сочетание круга и креста встречается в исламской символике произведений сибирских татар. Так, в фондах Тюменского областного краеведческого музея хранится экспонат начала XX в. — ткань (размер 50 см на 5 м) красного цвета, где вышито изображение полумесяца и звёзд, а также крестов, заключённых в окружность [ТОКМ].

Цветовая гамма «Грамоты...» тоже не совсем характерна для мусульманского искусства. Там наиболее чтимы зелёный (цвет растительности), белый (выражение чистоты и духовности), золотой (символизирует славу, успех, богатство, торжество и т. д.), синий и фиолетовый — как цвета мистического созерцания, приобщения к божественной сущности, а также чёрный — цвет Священного камня Каабы [Кантен, 2008: 72].

Красный (бордовый) колер для мусульман по содержанию не столь значим, как в других культурах. Он считался священным, магическим, имеющим «жизненную

⁹ Каллиграфия — «искусство изящного письма» — является одной из форм культуры региона. Наиболее известные почерки — куфи, насх, сульс, рукаи, дивани, талик, рейхани, насталик и их модификации.

силу», но не более того [Миронова, 1984: 185]. В культуре же обских угров он стал «главным», особенно в женской одежде, покрой которой заимствован у татарок. Доминирующая роль красного цвета ассоциировалась с кровью как жизненной силой и началом [Новицкий, 1941: 71]. Более того, у обских угров до настоящего времени сохранилась традиция обшивать одежду по контуру полоской красной ткани (как в свитке «Грамоты...»). Такой приём украшения одежды характерен для восточных ханты, например, среди жителей реки Аган [Перевалова, 2006: 165].

Насыщенный жёлтый тоже не совсем характерен для исламской культуры. Приоритет там отдаётся золотому и светло-жёлтому: так как в культуре ислама это колористическая характеристика Священной коровы — первой жертвы Аллаху [Миронова, 1993: 180].

Тёмный (или «грязный») оттенок жёлтого в некоторых трактовках исламской догматики имеет даже негативное значение, в частности символа желудочных заболеваний [Миронова, 1984: 105].

В культуре манси обращает на себя внимание достаточно устойчивое сочетание красного, синего (или зелёного) и жёлтого цветов, особенно в одежде из оленьих шкур. И особо значимым у них традиционно оставался золотой [Шутова, 2016: 141].

Возможно, жёлтый на «Грамоте...» должен был заменить именно золотой колер, учитывая философию аскетизма и бедности суфийских шейхов. Но в целом в магических орнаментах сибирских татар-мусульман использовалась не жёлтая, а золотая нить, что подтверждается многочисленными женскими головными уборами — сарауц, хранящимися в фондах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника [Сулова, 2002: 114].

Ещё один цвет в орнаменте рукописи — коричневый. Он вообще отрицается догматикой: «замутнён», «нечист», «грязен» и, соответственно, теряет для мусульманина всякую привлекательность. Это якобы цвет разложения, несчастья и нищеты, что основывается на одной из сур Корана, в которой упоминается «коричневый сор» [Серов, 2003: 322]. Однако в орнаментах он используется.

Н. В. Серов зафиксировал, что на вопрос: «Зачем же на таком красивом фоне мечетей и медресе делаются вкрапления коричневого?», мусульмане отвечали: «Для того, чтобы глаз врага нашей веры отвлёкся на них и не мог сглазить божественную красоту остального» [там же]. С учётом сакрального предназначения «Грамоты...» коричневый мог нести такой смысл.

Что касается угров, то они использовали этот цвет часто. Он не был традиционен для орнаментов, но считался практичным. Например, кондинские манси окрашивали кожу в коричневый цвет путём её кипячения в отваре из коры. Такая краска была прочной и не линяла. Этот цвет получался также из смешения красного, жёлтого, зелёного, чёрного (или синего) [Власов, 2006: 626] — «бытовых» красок ханты и манси.

Использование жёлтого и коричневого цветов в оформлении «Грамоты...» (применявшихся, но не традиционных для оформительской практики обских угров) свидетельствует о стремлении выделить рукописную традицию.

Тип орнамента и колористическая гамма позволяют утверждать, что они были уже не хантыйские или мансийские, но ещё не классические исламские. Однако в целом анализ орнамента на «Грамоте...», написанной в арабской графике, имеющей исламское содержание и заверенной классической для мусульманской каллиграфии «Печатью Аллаха», выводит на связь исламского компонента с культурой и мировоззрением обских угров. Впоследствии жёлто-коричневая цветовая гамма закрепились в одежде сибирских татар. По крайней мере, она была широко распространена в XIX в.

В фондах Тюменского областного краеведческого музея имени И. Я. Слобцова хранится костюм, относимый ко второй половине XIX — началу XX в. Он фабричного производства, стандартный, каких было много. Фон камзола бордовый, как на орнаменте «Грамоты...»; на позументе (полосе по краям одежды) расположен коричневый растительный орнамент на жёлтом (позолоченном) фоне [Творчество... , 1999: 118].

Второй костюм зафиксирован как «праздничная одежда сибирских татар». Фон камзола голубой, на ткани — крупные коричневые цветы. Позумент такой же: фон жёлтый (золотистый); растительный орнамент — коричневый, сходный с предыдущим образцом, но тон более светлый [там же: 121]. В Ембаевском музее-заповеднике также хранится женский камзол в аналогичном золотисто-коричневом решении [Музей-заповедник...].

В целом анализ орнамента на «Грамоте хранителя Юрумской Астана», как и другие изделия, подтверждают связь декоративно-прикладного искусства сибирских татар с культурой обских угров.

Заложенные традиции были «развёрнуты» в колористическом и композиционно-образном решении в последующие столетия, дав «мощные побег» в творчестве современных мастеров прикладного искусства.

Библиографический список

- Власов В. Г.* Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: [в 10 т.]. СПб.: Азбука-классика, 2006. Т. 4. 752 с. + ил.
- Зияев Х. З.* Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX вв. Ташкент: ФАН, 1983. 163 с.
- Ислам: иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. М. Магомерзоев. М.: Эксмо, 2009. 640 с. + ил.
- Ислам на краю света: история ислама в Западной Сибири: в 3 т. / под ред. А. П. Яркова. М.: Ин-т Ближ. Востока, 2019. Т. 2: Сибирский ислам в Средние века и Новое время. 368 с.
- Кантен Л.* Понять ислам: ключевые слова: пер. с фр. СПб.: ДИЛЯ, 2008. 320 с. + ил.
- Мартынова Е. П.* О межэтнических связях приуртышских хантов и сибирских татар // Сибирские татары: материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск: Тобол. ист.-архит. музей-заповедник, 1998.
- Молданов Т. Л., Сидорова Е. В.* Медвежья игрища: танцы и песни. Ханты-Мансийск, 2010. 440 с.
- Молданова Т. А.* Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. 261 с.
- Миронова Л. Н.* Цветоведение. Минск: Высшейш. шк., 1984. 286 с.
- Миронова Л. Н.* Семантика цвета в эволюции психики человека // Проблема цвета в психологии / отв. ред. А. А. Митькин, Н. Н. Корж. М.: Наука, 1993. С. 172—188.
- Музей-заповедник татарской истории и культуры с. Ембаево Тюменской области. Инв. № 66.
- Новицкий Г.* Краткое описание о народе остячком. Новосибирск: Новосибиргиз, 1941. 130 с.
- Перевалова Е. В.* Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН: Студия «ГРАФО», 2006. 352 с.
- Пигнатти В. Н.* Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1915. Вып. 15.
- Рахимов Р. Х.* Грамота хранителя Юрумской Астаны: (новый источник об исламизации Сибири) // Земля Тюменская: ежегодник Тюменского областного краеведческого музея, 2004. Тюмень, 2005. Вып. 18. С. 178—191.
- Сезёва Н. И.* Сюжеты и орнаментальные мотивы тюменского народного ковра (XIX—XX вв.) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2-2 (66). С. 157—161.

- Селезнёв А. Г., Селезнёва И. А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 72 с.
- Селезнёв А. Г., Селезнёва И. А. Культ святых и суфизм в Сибири как объекты этнографического исследования // История и культура Сибири: сборник научных трудов, посвященный 15-летию Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук. Омск, 2007. С. 241—247.
- Серов Н. В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. СПб.: Речь, 2003. 322 с.
- Смирнова Е. Ю. Отражение исламской культурной модели в одежде татар Западной Сибири XVIII—XX вв. // Народное искусство Сибири: прошлое, настоящее, будущее: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2004. С. 52—54.
- Стеблева И. В. Жизнь и литература доисламских тюрок: историко-культурный контекст древнетюркской литературы. М.: Вост. лит., 2007. 205 с.
- Суслова С. В. Западносибирские «сарауцы» как историко-этнографический источник // Сибирские татары. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. С. 112—119.
- Творчество народов Тюменской области: из собрания Тюменского областного краеведческого музея им. И. Я. Слоцова. М.: Сов. спорт, 1999. 255 с.
- ТОКМ (Тюменский областной краеведческий музей). Инв. № КП ОФ 9392/5.
- Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 560 с.
- Холостых Г. В. Украшения XVI — XVII вв. в археологии Западной Европы как источник по истории русской торговли // Очерки истории обмена и торговли в древности на территории Западной Сибири. Омск: Омск. гос. ун-т, 1995. С. 152—165.
- Шутова Н. И. Предания о Золотой Бабе и удмурдские параллели // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, № 2. С. 141—150.
- Bortnikova Ju. A. Genesis of the Muslim art culture in Western Siberia // *Sibirica*. 2012. Vol. 11, № 2. P. 27—36.

Reference

- Bortnikova, Ju. A. (2012) Genesis of Muslim artistic culture in Western Siberia, *Sibirica*, vol. 11, no. 2, pp. 27—36.
- Islam na krayu sveta: Istoriya islama v Zapadnoj Sibiri*: in 3 vols, / pod red. A. P. Yarkova. (2019) [Islam at the end of the world: History of Islam in Western Siberia], ed. by A. P. Yarkov, vol. 2: Sibirskij islam v Srednie veka i Novoe vremya, Moscow: Institut Blizhnego Vostoka.
- Islam: Illyustrirovannaya ěnciklopediya* (2009) [Islam: An illustrated encyclopedia], author.-comp. M. Magomerzoev, Moscow: Ęksmo.
- Kanten, L. (2008) *Ponyat' islam: klyucheveye slova* [To understand Islam: key words], St. Petersburg: DILYA.
- Kholosty'kh, G. V. (1995) Ukrasheniya XVI—XVII vv. v arxeologii Zapadnoj Evropy' kak istochnik po istorii russkoj trgovli [Jewelry of the XVI—XVII centuries in the archeology of Western Europe as a source for the history of Russian trade], in: *Ocherki istorii obmena i trgovli v drevnosti na territorii Zapadnoj Sibiri* [Essays on the history of exchange and trade in antiquity on the territory of Western Siberia], Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet, pp. 152—165.
- Martynova, E. P. (1998). O mezhětnicheskikh svyazyakh priirtyshskikh khantov i sibirskikh tatar [On interethnic relations of the Irtysh Khants and Siberian Tatars], in: *Sibirskie tatory: Materialy I Sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoj Sibiri"* [Siberian Tatars: mat.1st Siberian simp. "Cultural heritage of the peoples of Western Siberia"], Omsk.
- Mironova, L. N. (1984) *Cvetovedenie* [Chromatics], Minsk: Vysheshaya shkola.
- Mironova, L. N. (1993) Semantika czveta v ěvolucii psikhiki cheloveka [Semantics of color in the evolution of the human psyche], in: *Problemy czveta v psikhologii* [The problem of color in psychology], ed. by A. A. Mitkin, N. N. Korzh, Moscow: Nauka, pp. 172—188.

- Moldanov, T. L., Sidorova, E. V. (2010) *Medvezh'i igrishha: tancy i pesni* [Bear games: dances and songs], Khanty-Mansiysk.
- Moldanova, T. A. (1999). *Ornament khantov Kazym'skogo Priob'ya: semantika, mifologiya, genesis* [Ornament of Khants of the Kazym'sky Ob region: semantics, mythology, genesis], Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Novitsky, G. (1941) *Kratkoe opisanie o narode ostyackom* [A short description of the Ostyak people], Novosibirsk: Novosibgiz.
- Perevalova, E. V. (2006) *Reka Agan i ee obitateli* [The Agan River and its inhabitants], Ekaterinburg, Nizhnevartovsk: Ural'skoe otdelenie Rossijskoj akademii nauk, Studiya "GRAPhO".
- Pignatti, V. N. (1915) Isker (Kuchumovo gorodishhe) [Isker (Kuchumova Gorodische)], *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya*, iss. 15.
- Rakhimov, R. H. (2005) Gramota khranatelya Yurumskoj Astany: (Novyj istochnik ob islamizacii Sibiri) [The letter of the guardian of the Yurum Astana (a new source on the Islamization of Siberia)], *Zemlya Tyumenskaya: Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Tyumen Land: Yearbook of the Tyumen Regional Museum of Local Lore], iss. 18, Tyumen, pp. 178—191.
- Seleznev, A. G., Selezneva, I. A. (2004) *Sibirskij islam: regional'nyj variant religioznogo sinkretizma* [Siberian Islam: a regional version of religious syncretism], Novosibirsk: Izdatel'stvo instituta arkhologii i étnografii Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk.
- Seleznev, A. G., Selezneva, I. A. (2007) Kul't svyaty'kh i sufizm v Sibiri kak ob'ekty étnograficheskogo issledovaniya [The cult of saints and Sufism in Siberia as objects of ethnographic research], in: *Istoriya i kul'tura Sibiri* [History and Culture of Siberia], Omsk: Izdatel'stvo instituta arkhologii i étnografii Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk.
- Serov, N. V. (2003) *Cvet kul'tury: psikhologiya, kulturologiya, fiziologiya* [Color of culture: psychology, Cultural studies, physiology], St. Petersburg: Rech.
- Sezyova, N. I. (2010) Syuzhety i ornamental'nye motivy tyumenskogo narodnogo kovra (XIX—XX vv.) [Subjects and ornamental motifs of the Tyumen folk carpet (XIX—XX centuries)], *Izvestiya altaj'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2-2 (66), pp. 157—161.
- Shutova, N. I. (2006) Predaniya o Zolotoj Babe i udmurdskie paralleli [Legends about the Golden Woman and udmurdskey parallel], *Ezhegodnik fino-ugorskikh issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric studies], vol. 10, no. 2, pp. 141—150.
- Smirnova, E. Yu. (2004) Otrazhenie islamskoj kul'turnoj modeli v odezhde tatar Zapadnoj Sibiri XVIII—XX vv. [Reflection of the Islamic cultural model in the clothing of the Tatars of Western Siberia of the 18th—20th centuries], in: *Narodnoe iskusstvo Sibiri: proshloe, nastoyashchee, budushchee: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Folk Art of Siberia: past, present, future: sat. mat. Vseros. scientific.-pract. conf.], Omsk, pp. 52—54.
- Stebleva, I. V. (2007) *Zhizn' i literatura doislamskikh tyurkov: istoriko-kul'turnyj kontekst drevnetyurkskoj literatury* [Life and literature of Pre-Islamic Turks: historical and cultural context of ancient Turkic literature], Moscow: Vostochnaya literatura.
- Suslova, S. V. (2002). Zapadnosibirskie "sarauy" kak istoriko-étnograficheskij istochnik [Siberian "sarauy" as historical-ethnographic source], *Sibirskie tatary* [Siberian Tatars], Kazan: Institut istorii Respubliki Tatarstan, pp. 112—119.
- Tvorchestvo narodov Tyumenskogo oblasti: iz sobraniya Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya im. I. Ya. Slovcova* (1999) [Creativity of the peoples of the Tyumen region: from the collection of the Tyumen Regional Museum of Local Lore named after I. Ya. Slovtsov], Moscow: Sovetskij sport.
- Tyumenskoe i Sibirskoe khanstva* (2018) [Tyumen and the Siberian khanate], ed. by D. N. Maslienko, A. G. Sitdikova, R. R. Khairutdinova, Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.
- Vlasov, V. G. (2006) *Novyj entsiklopedicheskij slovar' izobrazitel'nogo iskusstva* [The new encyclopedic dictionary of the fine arts], vol. 4, St. Petersburg: Azbuka-klassika.
- Ziyaev, Z. (1983) *Ékonomicheskie svyazi Srednej Azii s Sibir'yu v XVI—XIX vv.* [Economic relations of Central Asia with Siberia in the XVI—XIX centuries], Tashkent: FAN.